

КСЕНИЯ МЯЛО

ЗАБЫТЫЕ

*Самостоянье человека,
залог величия его.*

А. С. Пушкин

В мае истекающего года мне неожиданно представилась возможность наведаться в Нагорный Карабах, где я была ещё двадцать лет назад, когда полномасштабный конфликт только разгорался. И, конечно, мне было интересно взглянуть, как живёт сегодня и на какое будущее надеется эта республика, после признания в 2008 году Россией Абхазии и Южной Осетии так и остающаяся непризнанным государством. Как остаётся *непризнанным* и Приднестровье, за судьбой которого я пристально следила все эти годы; и, конечно, мне было интересно сравнить положение и перспективы этих двух исторически, а не только географически столь удалённых друг от друга, но вот теперь оказавшихся объединёнными сходной участью осколков исчезнувшей великой державы, носила ли она имя Российской империя или Советский Союз. Общность участи символически подчёркивается и общей для обеих республик датой Дня Независимости, отмечая который они ежегодно 2 сентября имеют возможность с особой остротой прочувствовать свой статус изгоев.

Но это общность, так сказать, негативная, общность народов, по отношению к которым была допущена одна и та же несправедливость и которые сталкиваются с более или менее сходными проблемами в попытках покончить со своим ущербным положением. Неудивительно поэтому, что две непризнанные республики поддерживают довольно тесные контакты между собой. В том числе и регулярно обмениваясь делегациями по торжественным датам. Вот и на сей раз в Степанакерт, в этом году 9 Мая отмечавший не только День Победы, но и 20-летний юбилей некоторых памятных событий своей краткой, но насыщенной истории, в ряду многих других прибыла и делегация из Тира-споля, как водится, сказавшая слова поздравления и вручившая подарок. Подарок, казалось бы, простой — портрет Суворова. Но этот простой подарок вызвал на удивление живой отклик в огромном банкетном зале. Может быть, даже не сам подарок, сколько сопровождавшие его слова: "... не чуждый армянскому народу Суворов". Ровный гул голосов, ставший к этому времени не помехой, конечно, но фоном текущего своей чередой ритуала, был неожиданным — для меня, по крайней мере, — перекрыт горячими аплодисментами.

Вот ведь как! Я, конечно, давно знала, что для приднестровцев образ Суворова с самого зарождения республики стал эмоциональным и смысловым средоточием всего того, что защищали они, отстаивая не только свою независимость, но и ту часть российской истории, которая неразрывно связана с именем великого полководца. Ту часть, которая в глазах многих, если не

большинства нынешних россиян предстаёт чем-то как раз чуждым, малопонятным и, в общем, малоинтересным. Иначе не могли бы пройти незамеченными памятные даты, связанные с такими событиями, как Кючук-Кайнарджийский и Ясский мир, обеспечившие России полноценный выход в Чёрное море и твёрдо закрепившие её позиции в Северном Причерноморье.

Но здесь, в Карабахе (армянское наименование – Арцах), как раз с этой частью русской истории, на первый взгляд, мало связанном, да и за 20 лет независимого, пусть и непризнанного существования республики не заявлявшем о какой-либо особой своей приверженности к России, такой мгновенный отзыв на пароль “Суворов” не мог не удивить. Да, наверное, для народа со столь сильно выраженным национальным чувством, как армяне, имеет значение версия об армянском происхождении матери Суворова (урождённой Мануковой), версия, которую многие историки считают легендой, но которая, тем не менее, крепко удерживает свои позиции, что и прозвучало в приветственной речи приднестровской делегации. И всё-таки, думаю, было здесь и нечто большее, сверкнул отблеск совместной пережитой великой истории, память о которой, оказывается, иные имена и символы на окраинах империи пробуждают легче и быстрее, нежели в Российской Федерации. Да и сами слова о “не чуждости Суворова армянскому народу” – разве не указывают они на что-то более значительное, чем вопрос о присутствии в нём доли той или иной крови? На то, что он не чужд самой судьбе армянского народа? Потому что именно он стал олицетворением эпохи победоносных для России русско-турецких войн, приведших, по оценке одного из крупнейших востоковедов XX века Бернарда Льюиса, “к решительному перелому в соотношении сил не только между двумя империями, но и между двумя цивилизациями”. И, соответственно, приблизивших избавление от османского гнёта многих народов, в том числе и не в последнюю очередь – армян. “Известное упорство Порты Оттоманской” (Екатерина II) было тогда если не окончательно сломлено, то глубоко надломлено. И эти исторические реминисценции сегодня обретают новую актуальность по мере того, как всё масштабнее разворачиваются последствия селекции среди непризнанных, в 2008 году осуществлённой совместно Российской Федерацией и западными державами.

Впрочем, есть разница: Запад, в обход никем не отменённой резолюции СБ ООН 1244 (в соответствии с которой Косово считалось частью Сербии) признавший в одностороннем порядке провозглашённую независимость Приштины, как обычно, прибег к обеспечивающему его интересы манипулированию правом. РФ же право просто проигнорировала и, – к сожалению, тоже как обычно, – обратилась к архаическим методам грубого произвола. Ведь даже признание ею двух постсоветских непризнанных мотивировалось на официальном уровне чем угодно, но только не их правом на свободное волеизъявление; что же до двух оставшихся, то им вообще никто не потрудился объяснить, почему они оказались *лишенцами* и почему, как выразился, слегка перефразировав Оруэлла, начальник Главного информационного управления при президенте НКР Давид Бабаян, “одни народы более равны, чем другие”. Между тем, чтобы избежать этого, от Москвы требовалось всего лишь одно: не ставя себя в смешное положение отказом от сделанного в преддверии провозглашения независимости Косово предупреждения, сдержать своё слово и признать за всеми четырьмя “самопровозглашёнными” постсоветскими государствами законно принадлежащее им право на самостоятельный выбор своей судьбы. Оно, вопреки действовавшей на тот момент Конституции страны, было отнято у них при распаде СССР, и “казус Приштины” предоставлял Москве возможность восстановить попорченную законность и справедливость. Но возможность была упущена, а тем самым – усугублён произвол, нарастание которого так явственно ощущается теперь и внутри Российской Федерации.

Что ж, не сегодня ведь сказано: “Не делай другому того, чего не желаешь себе”. В этом смысле 2008 год можно считать своего рода *оселком*, на котором была испытана готовность российского и государства, и общества руководствоваться, не в последнюю очередь, соображениями права и в соответствии с этим изменить свою “оптику” восприятия, в том числе и проблемы *непризнанных*. Понять, наконец, что речь идёт не только о территориях, но, прежде всего, о проживающих на них людях, которых нельзя рассматри-

вать как всего лишь материал, пригодный для сооружения геополитических конструкций, чем грешат не только политики наши, но и многие политологи. К сожалению, не приходится отрицать, что ни государство, ни общество испытания 2008 годом не выдержали, что, конечно, не могло не возыметь не слишком отрадных для нас последствий.

* * *

Спустя четыре года трудно без горькой усмешки перечитывать велеречивые заявления российского министра иностранных дел С. Лаврова, который вскоре после августовской войны в своей пространной статье, знаменательно озаглавленной “Торжество права и свободы” (“Независимая газета”, 15 сентября 2008 года) настойчиво подчёркивал “недопустимость возврата – в современной Европе – к временам крепостного права”. Подобные слова поверяются делами, однако с тех пор позиция России по отношению к двум оставшимся не признанными постсоветским республикам отнюдь не обнаружила признаков преодоления *всяких следов крепостнического подхода*, допускающего возможность, говоря словами главы российского ведомства иностранных дел, считать людей “принадлежностью какой бы то ни было территории, которая может произвольно, без согласия этих людей, переходить под суверенитет того или иного государства”. (Там же.) Напротив, можно говорить об углублении в России регрессии “к временам крепостного права”, что особенно грубо сказалось в отношении политически ориентированного на неё Приднестровья. И если положение Степанакерта сегодня не выглядит столь же безнадежным, как положение Тирасполя, то это заслуга отнюдь не России, о чём подробнее будет сказано ниже. Однако, при всех различиях их положения, обе республики до сих пор остаются непризнанными, а некоторые быстро развивающиеся в мире процессы всё резче подчёркивают архаичность российского подхода к проблеме, лишаящего нашу страну возможности творчески осваивать реальность неизбежного появления на политической карте мира новых государств. При этом такая грубость и архаичность в 2008 году с полной очевидностью обнаружила себя не только на уровне действий власти, но также – и, на мой взгляд, это повод для тревоги ещё большей, – в выступлениях тех, кого принято именовать лидерами общественного мнения: политологов, журналистов, не говоря уже о депутатах.

“Не признавать!” – таков оказался вердикт, вынесенный многими перьями в ответ на последовавшее сразу же после провозглашения независимости Косово обращение Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья к России с просьбой о признании. Примечательно, что в этом единодушно сошлись в иных случаях столь резко противостоящие друг другу наши “государственники” и “либералы”, и, стало быть, в таком приговоре нашло своё выражение, как это ни печально, довольно широко распространённое “состояние умов”. На удивление сходными оказались и аргументы, которыми подкреплялось это явственно отдающее *троекуровщиной* постановление. В ряду их немалое место занял вот такой: мол, дурные примеры заразительны, поэтому положительный ответ Москвы на обращённую к ней просьбу откроет ларец Пандоры, неизбежно вызвав лавину сепаратистских требований едва ли не во всех концах Земли. Живописались картины одна другой страшнее: трупы на улицах Дели, смятение и пожары в европейских столицах... Подобное можно было прочитать на страницах газеты “Завтра”, услышать в телевизионной программе “Постскриптум” и в парламентских речах. Но почему-то никто из авторов этих устрашающих прогнозов не задался вопросом: а даже если бы и так, допустимо ли, ещё раз попирая уже поправленные права народов, обратившихся к России с просьбой о помощи в восстановлении справедливости, одним росчерком публицистического пера превращать их в *заложников* гипотетического сохранения мира и спокойствия на планете? И согласились ли бы они предложить на роль таких заложников самих себя, не говоря уже о своих семьях? Вопрос, разумеется, риторический, к тому же прошедшие годы уже убедительно продемонстрировали недалёковидность, мягко говоря, всех этих грозных предсказаний и несостоятельность утверждений о наличии некой прямой связи между развитием сепаратистских настроений в той или иной стране и судьбой постсоветских *непризнанных*.

Конечно, невозможно отрицать, что немалую роль в активизации этих настроений, имеющих свою историю и динамику, сыграл в своё время распад Советского Союза и превращение составлявших его республик в суверенные, тотчас же признанные в ООН государства. Я сама могла убедиться в этом сразу после исчезновения СССР с политической карты мира, встречаясь со сторонниками каталонской независимости в Барселоне. Но одно дело – неожиданно быстрое крушение огромной, представлявшейся неуязвимой страны, и совсем другое – судьба нескольких оставшихся за бортом её обломков, этих астероидов рассыпавшейся вселенной, местонахождение которых в пространстве далеко не все смогут указать. Да и мало этим интересуются. А потому, несмотря на сохраняющийся ущербный статус Нагорного Карабаха и Приднестровья, несмотря на то, что даже в случае Абхазии и Южной Осетии Москва мотивировала признание их конъюнктурными, а отнюдь не правовыми аргументами, процесс развивается без всякой оглядки на то, что делает – или чего не делает – Россия с этими обломками кораблекрушения. О своих притязаниях на независимость уже заявили Шотландия и Каталония, причём если в Шотландии проведение соответствующего референдума назначено на 2014 год, то в Каталонии на самое ближайшее время – 25 ноября 2012 года. При этом стоит заметить, что полтора миллиона человек в середине сентября вышли на улицы Барселоны с соответствующими лозунгами как раз тогда, когда Москва в очередной раз похоронила надежды Приднестровья на признание. Разумеется, нет никакой связи политических комбинаций России на Армянском нагорье или на Днестре и с победой на последних парламентских выборах националистической Квебекской партии, что делает реальной перспективу проведения третьего по счёту (после того, что состоялся 30 октября 1995 года) плебисцита по вопросу об отделении этой провинции от Канады. Однако и это ещё не всё: подобные настроения заявляют о себе и в Уэльсе. Например, Саймон Томас, один из лидеров третьей по значению партии в валлийском парламенте, считает распад Соединённого Королевства в XXI веке неизбежным. Шотландия, по его мнению, – “это лишь самый очевидный пример. Однако не менее интересное будущее ожидает Северную Ирландию и Уэльс”.

Здесь и сейчас нет смысла гадать, как именно будут развиваться события в Великобритании, Испании или Канаде, а возможно, и в других европейских странах. Бельгия, например, у всех на слуху, но фламандский сепаратизм в своём генезисе, как и в своём будущем, тоже несколько не связан с перспективами НКР или ПМР. Однако уже сегодня можно с уверенностью сказать, что как бы ни развивался процесс, “бунтующим провинциям” западных стран не грозит опасность оказаться в ситуации, когда их голос просто-напросто не пожелают услышать. Лидеры этих стран, без потрясения, мягко говоря, пережившие появление трупов на улицах Бендер и Цхинвала, разумеется, не допустят ничего подобного у себя: здесь действует другая шкала отсчёта. Так, премьер-министр Соединённого Королевства Д. Кэмерон уже подтвердил право Шотландии на самоопределение через референдум. Равным образом, прецедент последнего референдума в Квебеке, те способы действия, которые были найдены официальной Оттавой для того, чтобы избежать нежелательного для неё результата, говорят о том, что возможность грубого и откровенного отказа признать итоги народного волеизъявления в этих странах практически исключается.

Иное дело – позиция западных лидеров, столь много хлопочущих о соблюдении демократических прав и гарантий международных организаций по отношению к народам постсоветских “самопровозглашённых” государств. Но почему бы ей быть другой, если за все прошедшие после распада СССР 20 лет обнаружившие свою не только противоправность, но и неэффективность подходы нашего правительства не были сколько-нибудь существенно пересмотрены? Не были, даже несмотря на то, что в случае Нагорного Карабаха, и Приднестровья речь идёт о попытках реинтегрировать эти республики в их бывшие союзные “метрополии”, уже неоднократно заявлявшие о своём национальном тождестве и даже о возможном слиянии с соседними государствами, для непризнанных более чем проблемными: в случае НКР – с Турцией, в случае ПМР – с Румынией. И это придаёт вопросу об их независимости не существовавшую даже в случае Абхазии и Южной Осетии остроту, не замечать которую означает работать с заведомо искажённой картиной.

Ещё в феврале 1994 года, будучи с визитом в Турции, президент Азербайджана, ныне покойный Гейдар Алиев воспользовался формулой “одна нация, два государства” (“Спорные границы на Кавказе”. М., 1996, стр. 206). Анкара придерживается того же взгляда. Так, бывший президент Турции Сулейман Демирель заявил на исходе минувшего века: “Мы всегда говорим: мы, турки, проживающие в Анатолии, и турки, проживающие в Азербайджане, – одна нация, два государства” (“Бакинский рабочий”. 27.01.1996). А бывший советник президента республики по внешнеполитическим вопросам политолог Вафа Гулузаде выступил с предложением о включении Азербайджана в состав Турции, что, по его мнению, может помочь Баку защитить себя от России. Понятие *азербайджанец*, по его словам, всего лишь пережиток советского времени. “Наш язык турецкий, и по национальности мы – турки”, – подчеркнул Гулузаде (“Независимая газета”, 23.06.2000).

Полагаю, нет необходимости напоминать о характере исторически сложившихся армяно-турецких отношений. И нетрудно представить, какую реакцию не только в Степанакерте, но и в Ереване должно было вызвать прозвучавшее в феврале 2010 года (телепрограмма EuroNews) заявление нынешнего президента РА Ильхама Алиева о том, что его страна никогда не согласится на независимость Нагорного Карабаха и не “примет никаких механизмов и процедур, способных привести к его отделению”. Вряд ли можно сомневаться в том, что армянская сторона тоже никогда не примет “никаких механизмов и процедур”, способных привести Нагорный Карабах не только в Азербайджан, но – потенциально – и в Турцию. От сказанного на самом высоком уровне и Баку, и Анкарой невозможно просто отмахнуться, это, мол, всё слова, а реально подобная перспектива не просматривается. Сегодня, может быть, и не просматривается, но кто поручится за будущее? Особенно теперь, когда, после сезона “арабской весны”, в Турции всё заметнее проявляются черты нового политического курса, уже получившего наименование *неоосманизма* (“Карабахский вестник”, январь 2012 года, с. 29). В этой ситуации роль и влияние каждой из стран-участниц переговорного (именуемого “Минским”) процесса будет не в последнюю очередь определяться их способностью освоить и учесть в своих инициативах уже неотменяемую – во всяком случае, на путях мирного урегулирования – реальность независимого существования НКР.

К счастью для Карабаха, его возможности выбора достаточно широки, чего нельзя сказать о Приднестровье, над которым на протяжении всех 22 лет, прошедших со дня провозглашения республики, нависает сходная и вполне реальная угроза. В случае его реинтеграции даже только в Молдову, не говоря уже о Румынии, будет разрушен весь своеобразный жизненный уклад сложившегося здесь полиэтничного народа и его созданная на основе кириллической письменности культура. И народ, и культура всегда, даже до Ясского мира, тяготели к России, но сегодня ответного не то что *тяготения*, но даже интереса у России к нему нет. История региона столь мало – и не только на властном уровне – принимается ею во внимание, риску предположить, даже неведома ей, что значение вопроса о выборе графики (латиницы или кириллицы) для молдавского языка, выборе, ставшем в начале последнего десятилетия ушедшего века спусковым механизмом развития приведшего к войне противостояния до сих пор для многих остаётся за горизонтами восприятия проблемы.

С удивлением и горечью я столкнулась с этим ещё раз, когда в том же мае, вскоре после поездки в Карабах, приехала в составе группы литераторов на праздник славянской письменности в Великий Новгород. В ходе одной из встреч мною был задан вопрос, почему не была приглашена делегация из Приднестровья – ведь я лично знала людей, которые сейчас, в наши дни, а не в баснословной древности, сражались, а иные и погибли за то, чтобы сохранилась, чтобы продолжала жить именно эта письменность. Однако вопрос повис в воздухе – кажется, его никто не понял. А ведь писалось и говорилось о том, что происходило на берегах Днестра, в своё время немало – значит, не было интереса? Или всё так быстро позабылось? Тем же, кто всё-таки не забыл о жестокой войне лета 1992 года, хроника которой широко показывалась тогда телевидением, могу сообщить ещё, что именно в те дни газета про-румынского Народного Фронта Молдовы “Цара” перепечатала написанную

в 1942 году статья румынского историка А. Концеску “Румыны — коренные жители территорий между Днестром и Бугом”, в которой до сведения читателей доводилось, что “у молдаван не было ни своего языка, ни своей культуры, ни своей истории”. Была приведена и карта, опубликованная в 1942 году журналом “Транснистрия”. Текст под ней гласил: “Румыны проживали далеко за Днестром... русские и украинцы появились здесь после 1700 года, во времена Петра Великого”. Точность сообщаемых здесь исторических сведений в комментариях, думаю, не нуждается, да и, скорее всего, они сфальсифицированы преднамеренно. Главное в другом: я считаю нужным напомнить, с учётом ставшей за краткий исторический срок столь же короткой нашей национальной памяти, что всё написанное — это 40-е годы XX века, что это время Великой Отечественной войны и что территория нынешней ПМР была оккупирована Румынией, именовавшей Приднестровье *Транснистрией*.

Доктрина “Великой Румынии” быстро начала претворяться в жизнь посредством соответствующей практики, о которой не забыли проживающие здесь народы. Не исключая молдаван, чьё самонаименование кишинёвские сторонники румынизации, в полном соответствии со взглядами Гулузаде на азербайджанцев, тоже объявляют изобретением и реликтом советского времени. Объявленная Законом о государственном языке (31 августа 1989 года) замена традиционной для молдаван кириллицы на латиницу обрела в этом случае характер эффективного инструмента не только *деславнизации*, но и *демолдавизации* территории. Пожелавшие сохранить кириллическую письменность, которую путём свободного волеизъявления выбрало подавляющее большинство молдавского населения Приднестровья, были объявлены “манкуртами”, отступниками — со всеми вытекающими из такого определения последствиями. Однако в Москве так до сих пор и не поняли всей сложности этого выходящего далеко за рамки лингвистики вопроса, являющегося лишь наиболее очевидным выражением выбора между двумя несовместимыми цивилизационными и геополитическими векторами: “латинским” (в политике выражающим себя как прорумынский) и “восточным”, точнее, восточнославянским (в политике выражающим себя как пророссийский). И даже новый приход к власти в Кишинёве откровенно ориентированного на Румынию Альянса за европейскую интеграцию (АЕГ) не изменил позиции России по приднестровскому вопросу: она по-прежнему не рассматривает иных вариантов его разрешения, кроме реинтеграции непризнанной республики в Молдову. Притом, как предложил в ходе своего летнего пребывания в Кишинёве представитель российского МИДа Г. Карасин, всего лишь в качестве наделённого особым статусом региона.

Ясно, однако, что такая реинтеграция для Приднестровья, как, впрочем, и предлагаемая Нагорному Карабаху “самая широкая автономия”, будет означать неизбежную утрату собственных, такой дорогой ценой, буквально на поле боя созданных армий. Остальное вполне предсказуемо, а о том, что именно будет означать это *остальное* с позиций “Великой Румынии”, более чем прозрачно высказались румынские парламентарии на примечательной конференции, состоявшейся в Бухаресте 15 ноября 2011 года. Ими-то как раз и была очень чётко обозначена связь между цивилизационным и геополитическим отступлением России на Днестре, которым будут развязаны туго завязанные здесь историей узлы. Так, один из выступавших, профессор Раду Балтасиу, счёл нужным напомнить: “Приднестровье было и остаётся территорией особого значения для Юго-Востока Европы и геополитического вектора в регионе” (ИА Регнум. www.upmonitor.ru/news/russia). “Приднестровье, — продолжил он, — было использовано в качестве плацдарма на Балканах как в царское, так и в советское время”, — что, на его взгляд, делает проблему удаления отсюда остатков российского присутствия остро актуальной. Но это только одна сторона вопроса, и ставки в игре более высоки. Это “гораздо большее” — большее даже, нежели возможное присоединение Молдовы вкупе с Приднестровьем к Румынии, обозначил в своём выступлении глава комиссии Сената Румынии по связям с румынами за рубежом Виорел Бадя, назвавший “носителей румынского языка” в Приднестровье “самым дальним форпостом латыни в Восточной Европе”.

В Приднестровье, как я уже говорила, проживают молдаване, предпочитающие называть свой язык молдавским, а читать и писать на кириллице. Язык этот, наряду с русским и украинским, имеет статус государственного,

так что ни о каком утеснении “румын” в ПМР, на которое не преминул пожаловаться румынский сенатор, говорить не приходится – ввиду отсутствия здесь румын. Всё рассуждение построено на заведомой лжи, избоблчать которую, конечно, не станет Запад: ведь его интересам, естественно, соответствует главное – настойчивое утверждение приоритетности “латинского” вектора на Днестре. Перспективы такого утверждения могли бы тревожить Россию, но от неё столь важный именно в случае Приднестровья цивилизационный аспект проблемы полностью ускользает. Полагаю, большинство российских политиков, даже если предположить, что они знакомы с материалами ноябрьской конференции в Бухаресте, вряд ли задумалось над странностью появления слова “форпост” в речи о языке, – словно бы речь шла о войне. Между тем, в нём-то и заключена вся соль, и невозможно судить об истоках событий конца 80-х – начала 90-х годов в бывшей МССР, не понимая, что языковой вопрос оказался здесь помещённым в напряжённый контекст противостояния *латинства* и *славянства*.

Вот что писала, например, “Цара” вскоре после провозглашения ПМР: “Быть румыном, думать и чувствовать по-румынски... – значит, говорить на румынском, даже если кое-где кое-кто называет его молдавским языком, который не только является потомком прославленной латыни, носительницы мировой культуры, но и языком-победоносцем. Да, победоносцем, потому что в вековой борьбе со славянскими диалектами (!) и с другими языками он вышел победителем...”.

Вот что означает “дальний форпост латыни в Восточной Европе”, и тема, как видим, ничуть не устарела и не сошла со сцены за минувшие 20 лет. Речь о *реванше*, помещаемом в самую глубокую историческую ретроспективу, во времена императора Траяна, легионы которого так и не смогли пересечь Днестр. Ретроспективу, в которой само слово “форпост” обретает особенно звучный резонанс: “Цара” в только что процитированной статье не случайно упоминала и о “древнеримских предках”. Римско-легионерский миф играл немаловажную роль в генезисе румынского фашизма; но и доньяне образ покоряющих мир легионов не утратил своей привлекательности для многих политиков, в том числе и для иных западных демократов: З. Бжезинский, например, охотно воспользовался им, говоря в “Великой шахматной доске” о расширении НАТО на Восток. Но именно на Днестре, – как, пожалуй, нигде более, – этот образ, имея за собой конкретный исторический прототип, столь тесно сближается с реальностью, а выход Альянса на днестровский рубеж, некогда взятый Суворовым, обретает специфические черты древнего триумфа. Но вольно же российским властям способствовать этому триумфу, в противостоянии Тирасполя и Кишинёва неукоснительно поддерживая молдавскую столицу, в которой одна из улиц совсем недавно была названа именем Антонеску – лидера фашистской Румынии, рукой которого 26 февраля 1942 года было начертано: “Транснистрия станет румынской, мы её сделаем румынской и выслем всех иноплеменных”.

Так разве вопли разъярённой толпы “Чемодан, вокзал, Россия!”, “Утопим русских в крови евреев!”, убийство (так и оставшееся не замеченным в Москве) 14 мая 1990 года семнадцатилетнего кишинёвского школьника Дмитрия Матюшина (“За то, что говорил по-русски!”), бендерская бойня 19–22 июня 1992 года – разве всё это не подтверждало правоту приднестровцев, твердивших о новой попытке, с приходом к власти в Кишинёве крайних националистов, исполнить волю *кондукэтора*? Конечно, подтверждало, и увековечение нынешним кишинёвским руководством памяти союзника Гитлера – ещё одно тому доказательство. Поэтому принятие любых “механизмов и процедур”, способных привести республику к реинтеграции в бывшую метрополию, для Приднестровья так же неприемлемо, как и для Нагорного Карабаха, где никогда не забудут армянских погромов в Сумгаите и Баку. Не понимать этого – значит бесконечно вертеться в колесе заходящих в тупик переговоров. Альтернативой является военное решение проблемы, которым время от времени Баку угрожает Степанакерту, или удушающая блокада, сегодня представляющая наибольшую реальную опасность для Приднестровья. Но не это называется урегулированием конфликта, самые глубокие причины которого отнюдь не устранены.

Так, после состоявшегося в мае 2012 года и ставшего самым представительным в истории Альянса саммита НАТО в Чикаго выдержавший испытание попыткой импичмента президент Румынии Траян Бэеску, как сообщило ин-

формационное агентство Agepress, заявил: “Мы поставили точку в путанице по вопросу о молдавском меньшинстве. Мы пришли к выводу, что Румыния и Молдова – два независимых и суверенных государства, в которых живут в основном румыны”.

В российских политических и политологических кругах это заявление вызвало заметную эйфорию и возбудило, особенно среди “патриотов-имперцев”, новые надежды на возвращение блудной Молдовы, теперь вот уже и самим Бухарестом признанной “независимым и суверенным государством”, в российскую орбиту. А там, глядишь, и до восстановления Союза недалеко, так почему бы во имя столь грандиозной цели и не пожертвовать “пешкой” – Приднестровьем? Без внимания осталась вторая и, на мой взгляд, самая важная часть сказанного румынским президентом: его заявление о том, что в обоих государствах живут “в основном румыны”. А также и то, что, согласно Бэеску, итоговая декларация Чикагского саммита в *полной мере* отражает интересы и позицию Румынии по Южным Балканам и Черноморскому региону.

Логично заключить, учитывая значение, придаваемое Бухарестом этой стороне вопроса, что одной из основ такого совпадения интересов как раз и является признание Республики Молдова (РМ) государством *не молдаван, а румын*. А коли так, то перспективу воссоединения двух государств можно считать лишь умело перемещённой в некое размытое будущее, но никак не окончательно снятой. Ведь, как об этом заявил в мае 1991 года, то есть ещё до войны на Днестре, первый президент РМ, ярый унионист (сторонник воссоединения с Румынией) Мирча Снегур в интервью “Московским новостям”. “...где два суверенных государства, говорящих на одном языке, имеющих один корень, по-другому быть не может. Этот процесс начался, он необратим...”

С тех пор процесс этот неуклонно набирал силу, притом на уровне, быть может, самом важном: формирования общего уклада жизни и общей исторической памяти. В собственно Молдове уже выросло целое поколение, своим родным языком считающее румынский, а историю румын знающее лучше, чем историю молдаван, о которых на официальном уровне если и говорится, то лишь как о жертвах жестокого “русского империализма”, в 1812 году добившего включения в состав Российской империи части княжества Молдова, Бессарабии, а в 1940 вновь настигшего свою ускользнувшую было добычу. При этом, конечно, умалчивается о том, что именно в 1940 году была создана МССР, включившая в себя не только Бессарабию, но и – в качестве подарка – Приднестровье. Мнением населения которого тогда в Москве никто не интересовался, как, впрочем, не интересуется и сейчас, упорно настаивая на новом “воссоединении” Приднестровья с Бессарабией.

“А ведь мы совсем разные люди, – говорит председатель Приднестровского Союза молдаван В. Тулгара. – У нас разная письменность, разный менталитет, разное чувство истории. Они вправе делать свой выбор. Но и у нас есть такое право. Неужели в России этого не понимают?” К сожалению, не понимают – или не хотят понимать. И гораздо более верным, нежели те, что прозвучали в России, мне представляется мнение, высказанное в связи с заявлением Бэеску депутатом Верховной Рады Украины, известным политиком Тарасом Черноволом. На его взгляд, Румыния могла по конъюнктурным соображениям отказаться от планов присоединения Молдовы “наскоком”, но в более далёкой перспективе не намерена отказываться от них. Думаю, это понимают и в Приднестровье, всё ещё надеясь как-то донести правду о реальном положении дел до сознания московских политиков. Надежды эти мне представляются тщетными, и я почти убеждена в том, что, получи Москва сегодня самые неопровержимые доказательства близкого воссоединения Румынии и Молдовы, это мало что изменило бы. Вернее всего, здесь постараются их просто не заметить. Потому что в “большой игре” на Днестре есть и другие участники, более тяжёлого веса, нежели Румыния, и решаются вопросы куда более важные, нежели участие или неучастие Молдовы в путинском проекте евразийской интеграции. И потому меня несколько не удивило то, что уже объявленный парламентом РМ отказ присоединиться к Таможенному союзу никак не изменил к лучшему позицию Москвы в отношении Приднестровья. Ведь на кону для неё проект гораздо более важный, своеобразный *бартер*, ещё летом 2010 года предложенный канцлером ФРГ А. Меркель: возвращение Приднестровья в Молдову в обмен на подписание нового договора о безопасности в Европе.

В привычном, уже описанном мною *троекуровском* формате эту идею прокомментировал А. Караваев, замгендиректора Информационно-аналитического центра МГУ: “Продумать подобный или близкий по смыслу вариант было бы разумно” (“Независимая газета”, 16 декабря 2010 года). Естественно, мнением Тирасполя при таком “разумном” подходе можно и пренебречь. В ключе “бартера” получает объяснение и активная кампания по смене высшего руководства в непризнанной республике, то есть по устранению от власти её первого президента И. Н. Смирнова. Она была проведена как раз после того, как в марте 2011 года в Кишинёве прозвучало заявление, можно сказать – распоряжение вице-президента США Дж. Байдена: “Будущее Приднестровья – только в составе Республики Молдова”. Так что, возможно, речь идёт о “бартере” ещё более крупном, подробности которого нам пока не известны. Однако гипотеза имеет право на существование. Судя уже по тому хотя бы, какие недюжинные силы оказались задействованы Россией в Днестре в целях успешного проведения операции по удалению Смирнова: от десантов “звёздных” ведущих популярных ток-шоу до Предстоятеля РПЦ, в ходе своего визита в Молдову летом того же года внезапно отменившего давно запланированное посещение Тирасполя (до которого от Кишинёва, в худшем случае, не более полутора часов езды).

Несомненно, это был точно рассчитанный в Кремле удар по позициям Смирнова, и он достиг цели. Не мог не достичь там, где исконно православное население на протяжении веков мужественно отстаивало свою веру и где главу Московской Патриархии ожидали с трепетом и надеждой. Словом, операция удалась. И не случайно же румынский Парламент удостоил особой похвалы президента РФ Д. Медведева за настойчивость, проявленную в деле устранения от власти “сурового промосковского лидера Игоря Смирнова”, особо отметив: “Президент России по сути подтвердил, что нынешняя ситуация в Приднестровье и позиция Смирнова препятствуют реинтеграции”.

Главная роль Москвы в операции по смене высшего руководства в Приднестровье в том, что кишинёвская газета “Тимпул” назвала “казнью” Смирнова, – неопровержимый, многократно упоминавшийся и комментировавшийся факт, и трудно понять, тем более принять тактику замалчивания именно этой стороны событий, к которой прибег автор статьи “Приднестровская бомба”, не столь давно опубликованной на страницах газеты “Завтра”. Жёстко и достаточно ёмко обрисовав нынешнее положение республики на Днестре и ожидающие её перспективы в случае принятия предложенного немецким канцлером плана федерализации Молдовы, он почему-то всю вину за “сворачивание проекта “Приднестровье” возложил на новое руководство ПМР. Тем самым, однако, косвенно вина оказалась возложенной на самих приднестровцев, очевидно, просто не сумевших сделать правильный выбор.

Такой приговор глубоко несправедлив. Потому что вина граждан республики если и есть, то заключается она лишь в том, что они позволили внешней силе вмешаться в исключительно им принадлежащее право выбирать себе президента, чего никогда не позволяли ни Нагорный Карабах, ни Абхазия и чему пыталась сопротивляться даже крошечная Южная Осетия. Но в том-то и дело, что Приднестровье никогда не воспринимало Россию по отношению к себе как *внешнюю силу* и до сих пор, несмотря на всё пережитое, не может воспринимать себя как нечто, отдельное от неё. Это заметно отличает приднестровцев от народов трёх других “самопровозглашённых” государств. А потому само слово “вина” представляется здесь неуместным. Скорее можно говорить о трагической ошибке, какие порой совершают люди, непоколебимо стойкие перед врагами, но беззащитные перед теми, кто ими преданно и беззаветно любим. Завещанная нам от Бога способность “самостоянья” неизбежно претерпевает при этом ущерб, возникает ситуация психологической зависимости, освободиться от которой нелегко. Приднестровью же для того, чтобы вновь обрести достоинство, придётся преодолеть свою, как выразился один из моих собеседников в Тирасполе, “безответную любовь” к России. Не вообще любовь, которая имеет здесь слишком глубокие корни, но обезволивающий избыток любви, благодаря которому Москва могла так долго и так откровенно третировать Приднестровье, а оно так долго продолжало связывать исключительно с ней свои ожидания, которые снова и снова оказывались обмануты.

Возможно, Приднестровье с этим сумеет справиться, когда в жизнь полноценно вступит новое поколение, на чьих глаза с детских лет разворачива-

лась вся драма безответности. Но, конечно, тогда в истории отношений Приднестровья и России откроется новая эпоха, в которой уже не останется места для отчаянных взываний о помощи, наподобие тех писем, что после визита Ангелы Меркель в Кишинёв были направлены представителями русской, украинской и молдавской общин на имя президента Российской Федерации. Ответа на них не последовало.

Будет ли усвоен полученный и такой горький урок – покажет будущее. Но в настоящем положении Приднестровья нельзя не признать гораздо более тягостным и безвыходным, нежели то, в котором находится Нагорный Карабах. Даже несмотря на сохраняющуюся напряжённость и регулярные перестрелки на линии армяно-азербайджанского противостояния.

* * *

Никакой “безответной любви”, но опора, прежде всего, на *нацию*, в трёх её ипостасях, которые вновь избранный президентом республики Бако Саакян определил как “мы сами, Армения, диаспора”, – таков оказался путь, избранный Карабахом – товарищем Приднестровья по несчастью. И на этом пути за 20 лет Степанакерту удалось достичь многого из того, что для Тирасполя становится всё более недостижимым. У НКР нет проблем с собственной валютой – здесь имеет хождение армянский драм, тогда как просьба Приднестровья о хождении рубля была отклонена Москвой, и по нему в любой момент может быть нанесён удар с этой стороны. Для граждан НКР не существует проблемы паспортов – паспорта армянские, а жители ПМР, в том числе и те, кто имеет российское гражданство, по произволу кишинёвской администрации могут, что показал 2011 год, лишиться права свободного выезда из республики и поставлены перед необходимостью смены гражданства. У Степанакерта налажено прочное взаимодействие на уровне вооружённых сил, и на военном параде 9 Мая 2012 года здесь присутствовали президент Армении и Католикос Армянской апостольской церкви – подробность, думаю, не требующая комментария.

И, наконец, последнее по месту, но не по значению: поддержка на международном уровне, которую обеспечивает НКР большая и влиятельная армянская диаспора. Она немало инвестирует в республику, добившись, в числе прочего, её превращения в уже пользующийся известностью в мире центр туризма. А уж пренебречь в этом горном лесистом крае, с удивительной, не осквернённой природой и глубокой древности историческими памятниками, есть что. Но главное, конечно, – это то, что, не в последнюю очередь благодаря усилиям диаспоры, Степанакерту, единственному из всех четырёх постсоветских “самопровозглашённых” государств, удалось добиться признания международным сообществом права на самоопределение через референдум. Пусть даже и в некоем не совсем определённом будущем и при соблюдении условий, которые не во всём устраивают Карабах. Всё-таки решающий рубеж взят, и недвусмысленные заявления таких политиков, как представитель ЕС на Южном Кавказе Питер Семнеби или бывший эксперт Совета по внешней политике ФРГ Александр Рар, не оставляют в этом сомнений. Важнее же всего то, что НКР удалось добиться закрепления этого права в ряде международных документов. Первым из них стали Мадридские соглашения (чаще именуемые “Мадридскими принципами”), подписанные участниками переговорного процесса 29 ноября 2007 года – то есть, как видим, ещё до признания Западом независимости Косово, а Россией – Абхазии и Южной Осетии, что говорит о давно ведущейся в этом направлении упорной работе.

А 1 августа 2008 года подробности “принципов” озвучил сопредседатель Минской группы ОБСЕ со стороны США Мэтью Брайза, дважды подчёркнувший, что “будет проведен референдум, на котором определяются сами карабахцы”, и что “жители Нагорного Карабаха сами решат, пойдёт ли республика под юрисдикцию Азербайджана или получат независимость” (ru.wikipedia.org). Кроме этого, самого главного права, республике гарантировалось обеспечение коридора, соединяющего её с Арменией, а также предоставление ей на период урегулирования вопроса о спорных территориях и беженцах переходного статуса. По сути, это означает признание её независимости *de facto*. Эти условия, так или иначе открывающие Степанакерту путь к выходу из положения *лишенца*, в котором до сих пор остаётся Тирасполь, были подтверждены 10 июля 2009 года в итальянском городе Аквила, где в ходе

саммита “большой восьмёрки” было принято совместное заявление президентов стран-сопредседателей Минской группы: США, Франции и России. В этом заявлении, принятом, разумеется, не по инициативе нашей страны, в числе основных принципов урегулирования конфликта вновь были обозначены “предоставление промежуточного статуса Нагорному Карабаху, обеспечивающее гарантии безопасности и самоуправления”. А также – что особенно важно – “определение будущего правового статуса Нагорного Карабаха путём имеющего общеобязательную силу референдума”.

То же самое и с теми же участниками было подтверждено 26 июня 2010 года в канадском городе Мускоке, однако на сей раз Баку вышел из Мадридских соглашений, следствием чего стало новое “зависание” Минского процесса. Этому способствовало и то, что Степанакерт, не удовлетворяясь достигнутым, всё более настойчиво выдвигает на первый план вопрос о включении в границы НКР всех занятых им в ходе войны 1991–1994 годов территорий. Что абсолютно неприемлемо для Баку и что кажется спорным даже многим из тех, кто выступает за необходимость признания независимости собственно НКР – в границах, в которых она была провозглашена 2 сентября 1991 года.

Однако если Минский процесс и “завис”, то на качественно новом уровне, когда вопрос о признании права Арцаха на самоопределение можно считать принципиально решённым. И если в этом регионе не вспыхнет большая война, опасаться чего заставляют возрастающая напряжённость на сирийско-турецкой границе и усиливающееся давление Израиля и Запада на Иран, война, которая неизбежно смешает многие карты, то есть веские основания полагать, что процесс международного признания НКР может начаться в не слишком отдалённом будущем. О чём и заявил и. о. министра иностранных дел Нагорно-Карабахской Республики Василий Атаджанан в своём интервью “Карабахскому вестнику”. “Что касается наших возможностей в плане международного признания НКР, то можете не сомневаться: придёт время, и мы воспользуемся предоставленными возможностями”, – сказал он.

Если этот оптимистический прогноз оправдается и процесс признания НКР начнётся, Россия окажется перед непростой дилеммой: включаться в него или воздержаться. Каждый из вариантов выбора создаёт свои риски. Признание НКР грозит резким ухудшением, если не разрушением отношений России с Азербайджаном, на что она вряд ли пойдёт. Однако отказ от признания или слишком затянувшееся промедление сведёт к минимуму, если не обнулит, её уже и без того не слишком значительное влияние на Степанакерт, что опосредованно не сможет не сказаться на отношениях России с её единственным стратегическим партнёром на Южном Кавказе – Арменией. Но утратить эти особые связи – значит, сильно ослабить возможности выхода на Малую Азию, в древности бывшую одним из центральных узлов мировой истории и сегодня вновь выдвигающуюся на передний план. Так что нет сомнений в том, что вакуум влияния, оставляемый здесь Россией, будет быстро заполнен другими участниками новой “большой игры”.

А ведь сложностей грядущего выбора можно было бы избежать, своевременно отказавшись от так полюбившихся руководству РФ приёмов “замораживания” конфликтов и бесконечного раскачивания на “качелях” меж двух непримиримо противостоящих друг другу сторон. Конечно, к подобным приёмам прибегали и прибегают все великие державы, но это – тактика, обслуживающая крупные стратегические проекты, цели которых продуманы и обладают не одним лишь нефтегазовым или даже военным измерением, но затрагивают и иные уровни человеческого бытия, чей яркий образ оставил нам Пушкин в “Путешествии в Арзрум”. У нынешней России такого проекта нет, если не говорить о невнятном и рыхлом Евразийском Союзе; но в него, с его гипертрофированным тюркским уклоном, не вмещается слишком многое из того, что было исторической “большой Россией”. И сегодня трудно представить, как будет распутывать Москва во многом ею самой запутанный клубок на Армянском нагорье, где важнейшие инициативы давно уже принадлежат не ей.

Гораздо легче сказать, что следовало бы ей делать в Приднестровье, где её влияние, несмотря ни на что, остаётся вне конкуренции. Опираясь на него (а не манипулируя им), она всё ещё может выдвинуть здесь собственные инициативы, которые, при горячей и безусловной поддержке населения, позволят ей вновь твёрдо и надолго закрепить своё присутствие на этой территории, многообразное значение которой, как и в случае а Нагорного Карабаха, намного превосходит её размеры. Вопрос лишь в том, решится ли Россия на это.